
СТАЛИН В ПРОЗЕ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Б.А. Ланин

ФГНУ ИСМО РАО

Погодинская, 8, Москва, Россия, 101125

В статье рассматривается образ Сталина в прозе В. Гроссмана. В центральном романе «Жизнь и судьба» писатель не анализирует Сталина как психологический тип: для него Сталин лишен психологии. Он является лишь функцией государства, живым воплощением власти, которая проявляется в его поступках и отражается в судьбах миллионов людей.

Ключевые слова: образ Сталина, Василий Гроссман, культ личности, послевоенная проза, «Жизнь и судьба», «Мир Вам!».

Не будет преувеличением сказать, что большая часть жизни Гроссмана — за исключением последних десяти лет — прошла под портретом Сталина. Он не писал верноподданнических вещей, однако никогда не демонстрировал прямой фронды. Быть может, поэтому он и сумел пережить Сталина. Сталин несколько раз вычеркивал фамилию Гроссмана из списка кандидатов на Сталинскую премию. Можно сказать, он его попросту не любил, хотя и не трогал, признавая одаренность писателя, а главное — «полезность» с точки зрения государственных задач.

Устройство жизни в Советском Союзе Гроссман считал несправедливым и уродливым. Для современников Гроссмана не существовало понятия эмиграции: границы были на замке. Боевой офицер, прошедший Сталинград и проделавший за годы войны путь от лейтенанта до подполковника, — Гроссман, видимо, и не помышлял перебежать к союзникам. Дома ждали жена и двое детей. Однако задачу — познать тайну несправедливого устройства жизни — он поставил перед самим собой. Разгадать ее без осознания роли Сталина было невозможно.

Гроссман не анализирует Сталина как некий психологический тип. У писателя, возможно, попросту не было материалов. Для него Сталин — это функция власти, функция государства. Некоторые считали, что Сталин и есть государство. В гроссмановской иерархии государство выше. Это страшный и таинственный аппарат принуждения, противостоящий свободе.

Открытие Гроссмана заключалось в том, что образ Сталина у него лишен психологии. Она проявлялась лишь в поступках, а психологического анализа образа Сталина в прозе Гроссмана нет принципиально. Поступки Сталина имели *роковые* последствия, а рок — это судьба. Они могли приносить счастье, могли приносить невероятное, непереживаемое горе. Сталин был «чем-то», что не поддается психологическому анализу. Две главки романа «Жизнь и судьба» посвящены только Сталину. Прежде чем появиться в этих двух главках, Сталин отражается в образах-«зеркала» и проявляется в судьбах различных героев романа. Сталин показан глазами людей, наблюдающих его, следящих за ним. Образ тирана соткан из страха и преклонения, ненависти и любви, преданности и провокации. Достаточно шевеления пальца, чтобы исчезли не люди — целые народы. Страшная жизнь была

устроена им самим и поддерживалась устойчивым режимом многие десятилетия после его смерти. И сегодня в России десятки тысяч людей по-прежнему почитают тирана и тоскуют по его своеволию.

В последнем произведении Гроссмана «Добро вам!», опубликованном после смерти писателя, появляется колоссальный памятник Сталину уже на первых страницах. Никто не встретил писателя, приехавшего в Ереван, чтобы перевести на русский язык роман армянского прозаика. Его встречал огромный Сталин, нависший над городом. Даже космонавт, прилетевший с далекой планеты, сразу же увидел бы и узнал Сталина, возвышающегося над столицей Армении, замечает Гроссман. Вместе с постаментом высота памятника составляла 78 метров. Казалось, что облака касаются бронзовой фуражки на его голове: «Он высится над Ереваном, над Арменией, он высится над Россией, над Украиной, над Черным и Каспийским морями, над Ледовитым океаном, над восточносибирской тайгой, над песками Казахстана. Сталин — государство <...> Все головы склонились перед хозяином, вождем, строителем Советского государства. Государство Сталина выразило характер Сталина. В характере Сталина выразился характер построенного им государства» [2. С. 151].

Даже в либеральном «Новом мире» не удалось опубликовать эту книгу. Редакция долго сокращала ее и всячески уродовала, лишь бы провести в печать, однако была, как сейчас принято говорить, «красная линия», которую Гроссман не позволил себе пересечь: он не хотел отказываться от сравнения скитальческой судьбы армян и евреев. Отметим, что отрицательную характеристику этой книге очерков дал Валентин Овечкин, тоже очеркист, и тоже, как вся редакция «Нового мира», пользовавшийся репутацией либерала.

Писателя заинтересовало, что спустя всего десятилетие после смерти тирана никто не желал признавать за Сталиным вообще никаких заслуг: «Все совершилось вопреки ему, несмотря на него. Их необъективность была столь очевидна, что порождала невольное желание вступить за Сталина. Эта абсолютная необъективность могла быть сравнима лишь с той необъективностью, что, вероятно, проявляли эти же люди при жизни Сталина, в абсолютных формах обожествляя его ум, волю, предвидение, гений. Думаю, что истерика обожествления Сталина, так же как полное и безоговорочное оплевывание его возникли на одной почве» [2. С. 152].

В главном романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» споры о Сталине разворачиваются в концлагере. Старый революционер — большевик-ленинец Мостовской и меньшевик, а затем эмигрант Чернецов — спорят о сталинском социализме. Мостовской защищает все, ведь перед ним — старый идейный враг. В разгар спора Чернецов наклоняет к Мостовскому свое обезображенное лицо и говорит: «Между прочим, из всех вас я уважаю лишь одного Сталина. Он ваш каменщик, а вы чистоплюи! Сталин-то знает: железный террор, лагеря, средневековые процессы ведьм — вот на чем стоит социализм в одной отдельно взятой стране» [3. С. 222].

Чернецов не питает иллюзий: «...чудовищная бесчеловечность Сталина и сделала его продолжателем Ленина. Как у вас любят писать, Сталин — это Ленин се-

годня» [3. С. 221]. Мостовской немедленно бросается защищать эту формулу, но Чернецов саркастично парирует: «А вы считаете Сталина наследником Герцена?»

Впрочем, и Мостовской ни разу не защищал именно Сталина. Майор Ершов, в чью волю к борьбе против фашистов верит в лагере Мостовской, вспоминает свою встречу с раскулаченным отцом, посещение трех могил, оставшихся от родной семьи. Главное в этих воспоминаниях — рассказ отца:

«Он рассказывал сыну о пятидесятидневной зимней дороге в теплушке с дырявой крышей, об умерших, ехавших в эшелоне долгие сутки вместе с живыми. Рассказывал, как спецпереселенцы шли пешком и женщины несли детей на руках. Прошла эту пешую дорогу больная мать Ершова, тащила в жару, с потемневшим разумом. Он рассказал, как привели их в зимний лес, где ни землянки, ни шалаша, и как начали они там новую жизнь, разводя костры, устраивая постели из еловых веток, растапливая в котелках снег, как хоронили умерших...

— Все воля Сталинова, — сказал отец, и в словах его не было гнева, обиды — так говорят простые люди о могучей, не знающей колебаний судьбе» [3. С. 232].

Вот и выявилась подлинная сущность Сталина — божественная. Ведь это раньше народ говорил, что «на все — воля Божья». Атеистическая пропаганда снесла церкви, вытравила веру в Бога. Несвободный русский человек не терпит пустоты. Он не властен над своей судьбой, ибо не привык к свободе и не воспринимает свободу как данность. Привычка покоряться, следовать решениям свыше приводит к обожествлению тиранов. Сталин — не просто тиран, не просто жестокий правитель, не различающий живых людей за цифрами статистических сводок. Он — воплощение жестокой судьбы русского народа, ниспосланной ему свыше.

Впрочем, физики видят Бога в другой ипостаси. Когда Штрум находится под атакой националистически настроенных мракобесов и демагогов, его приглашает к себе академик Чепыжин, прежний директор института и ментор Штрума. Чепыжин, придумавший (еще в романе «За правое дело») теорию «жизненной квашни», в которой все перемешивается во имя этических категорий добра и свободы, продолжает здесь свои философские поиски. Отправной точкой его рассуждений является предположение, что лишь Бог может ограничить бесконечность. Однако Чепыжин отказывается от такого предположения, утверждая, что «грань, ограничивающая бесконечность Вселенной — жизнь. Эта грань не в эйнштейновской кривизне, она в противоположности жизни и неживой материи. Мне представляется, жизнь можно определить как свободу. Жизнь — есть свобода. Основной принцип жизни — свобода. Вот тут и пролегла граница — свобода и рабство, неживая материя и жизнь» [3. С. 516].

Это начальная стадия его глобальной теории. Вслед возникает «вторая, количественная, ветвь эволюции». Чепыжин подсчитывает, что человечество весит сто миллионов тонн. Он берет за вес среднего человека пятьдесят килограммов (видимо, его глаза привыкли к источенным во время войны людям). Масса живого вещества будет постоянно увеличиваться — ведь даже сто миллионов тонн гораздо больше того, что было «живым веществом» тысячу лет назад. Он разворачивает

перед Штрумом вселенскую утопию, сродни утопиям Федорова и Богданова: «Масса живого вещества будет все увеличиваться за счет неживого. Земной шар будет постепенно оживать. Человек, заселив пустыни, Арктику, станет уходить под землю, все углубляя горизонты подземных городов и полей. Возникнет преобладание живой массы Земли! Затем оживут планеты. Если представить себе эволюцию жизни в бесконечности времени, то превращение неживой материи в жизнь пойдет в галактическом масштабе. Материя из неживой станет обращаться в живую, в свободу. Мироздание оживет, все в мире станет живым, а значит, свободным. Свобода — жизнь победит рабство» [3. С. 516].

Что же будет в итоге? «Придет человек, наделенный всеми признаками Бога: вездесущий, всемогущий, всеведущий» [3. С. 517]. На глазах у читателя человек проходит путь русского богоискательства: «от серого пятнышка живой слизи» до божественного всемогущества и всеведения. Более того, Чепыжин не останавливается и продолжает размышлять о качествах нового человека. Вовсе не «так называемый новый» человек Николая Чернышевского, а человек, который «посмотрит на Бога сверху вниз»: «Свойство Бога — вездесущность — станет достоянием разума. Но, достигнув равенства с Богом, человек не остановится. Он установит связь с разумными существами высших этажей Вселенной, ин иного пространства и иного времени, для которых вся история человечества лишь мгновенная, неясная вспышка. Он установит сознательную связь с жизнью в микрокосмосе, чья эволюция лишь краткий миг для человека» [3. С. 517].

Однако новому человекобогу не суждено состояться. Чепыжин развивает свою теорию перед Штрумом, а того вот-вот посадят, и реальный бог социализма проявит свое могущество куда быстрее, нежели эволюция развернет свое благотворное преобразование мира.

Гроссман показывает Сталина в его отражениях, в его адептах. Сталин отражается в этих «зеркала». Вот поднимает запанибратский тост «за батьку» Дементий Гетманов, типичный карьерный мерзавец сталинского времени. Сталиным клянется его верный соратник генерал Неудобнов, пришедший из НКВД параноик, которому повсюду видятся диверсанты и скрытые враги. Подполковник Даренский, неожиданно встретивший Неудобнова на фронте, сразу же вспомнил, как до войны тот на допросе выбил ему два зуба кулаком. Эти «зеркала» — само воплощение сталинского режима, двуличные, агрессивные демагоги, чинодралы, всегда готовые предать и оклеветать. Как только другие персонажи пытаются вести себя так же, как «зеркала», у них ничего не получается. Более того, «зеркала» же их и одергивают, уличают в недостаточном понимании сталинизма.

Вот заходит разговор об особенностях военной тактики, об отношении к живой силе, к солдатам. Несколько командиров, в их числе и генерал Неудобнов, собрались на совещание. Командир артиллерийской дивизии Морозов сетует на командиров, не жалеющих солдат: «Повоюйте с ними малой кровью. Вся сила их в том, что они людей не жалеют» [3. С. 377]. Конечно, полковник Новиков с ним согласен. Он ведь и наступление на восемь минут задержал, чтобы сберечь бойцов и танки, все дождался, пока артиллерия подавит боевые точки против-

ника. Не раз сталкивался он на фронте с таким бесчеловечным, отвратительным подходом, который ему самому ненавистен. Его самого подталкивали под руку Гетманов с Неудобновым. Но тут срабатывает какой-то неведомый психологический механизм, и Новиков «вдруг сказал:

— А как это людей жалеть? Если человек людей жалеет, не надо ему воевать.

<...> вместо того чтобы сказать хорошее и доброе, что было в нем, Новиков с внезапной, ему самому совершенно непонятной злобой и грубостью повторил:

— А как это — людей жалеть? На то и война, чтобы себя не жалеть и людей не жалеть. Главная беда: пригонят в часть кое-как обученных и дадут им в руки драгоценную технику. Спрашивается вот, кого жалеть?» [3. С. 377].

Для кого он говорит эти слова? Для офицеров, которые также не жалеют самих себя ради сохранения солдат? Для самого себя, не верящего этим сказанным словам? Конечно, прежде всего, Новикова должен услышать Неудобнов, для которого люди — мусор, враги, который погубил десятки и сотни хороших людей и который, как догадывается сам Новиков, не менее опасен для своих собеседников, чем та беда, что ждет их на переднем крае. Неудобнов не признает за Новиковым права на сталинскую жестокость. Это они с Гетмановым имеют право так рассуждать. Не новиковские эти слова, и ему не пристало их говорить:

«Неудобнов назидательно сказал:

— Не тому нас учит товарищ Сталин. Товарищ Сталин нас учит, что самое дорогое — люди, наши кадры. Наш самый драгоценный капитал — кадры, люди, их и беречь надо как зеницу ока» [3. С. 377].

Хороший урок для Новикова — будь сам собой! Он понял, что Неудобнов, погубивший многих людей, неожиданно выглядит в глазах собеседников заботливым гуманистом, а он, Новиков, выставлен жестоким солдафоном: «Новиков видел, что слушатели сочувственно относятся к словам Неудобнова, и подумал: «Вот интересно выходит. Я перед соседями зверь зверем получился, а Неудобнов, оказывается, людей бережет. Жаль, что Гетманова нет, тот уж совсем святой. И всегда у меня с ними так» [3. С. 378].

Аналогичные эпизоды происходили не раз, и Новиков всякий раз корил себя за то, что подчинялся какой-то незримой силе, которая исходила от демагогических рассуждений и слов.

Суть сталинской демагогии — в извращении языка и смысла произносимых слов и выражений. Вряд ли Гроссман читал Оруэлла, но его Newspeak действует столь же эффективно, что и в Ангсоце. Примеров тому можно привести множество. Гетманов, который должен являть собой примерного семьянина, заводит себе на фронте «боевую подругу» — докторшу, но тут же распекает офицера за такую же фронтную любовь. Он же подает рапорт-донос на Новикова, а после ареста Новикова подает рапорт в его поддержку.

Виктор Штрум заполняет огромную анкету, которая представляет собой сконцентрированную подозрительность государства по отношению к гражданину. Разбираясь с графой «социальное происхождение», он приходит к естественному выводу, что оно не имеет никакого отношения к поступкам и формированию жиз-

ненных взглядов человека: революционерка-террористка Софья Перовская была генеральской дочерью, а некий Комиссаров, схвативший террориста Каракозова, покушавшегося на царя, происходил из мещан. Ну и что? Как социальное происхождение повлияло на определившие их жизни поступки? По этому поводу Штрум приводит два высказывания Сталина: «Сын за отца не отвечает» и «Яблочко от яблони недалеко падает» [3. С. 432]. Как и полагается в «новоязе», оба высказывания истинны, так как произнесены Большим Братом, хотя по смыслу они противоположны друг другу.

11-я главка Третьей части — одна из центральных в романе для понимания гроссмановской трактовки Сталина. Он показан здесь в момент решения его судьбы — не только исторической, но и просто человеческой. Проиграй Красная Армия Сталинградскую битву — катастрофой закончилась бы жизнь страны, жизнь самого Сталина, история человечества. Произошел бы тот самый «самосуд истории», о котором Дрелинг говорит Крымову в камере на Лубянке.

В стилистическом плане эта сцена решена в поэтике контраста и сопоставления образов. Только что 10-я главка закончилась сильнейшей по напряжению сценой. Полковник Новиков должен был бросить свои танки в наступление, но он пока задерживает наступление: «Он был охвачен своей ремесленной полковничьей страстью к войне, и его грубое честолюбие трепетало от напряжения, и Гетманов понукал его, и он боялся начальства» [3. С. 481].

Сталин в нетерпении. Он ждет начала наступления и подгоняет войска. Но — удивительное дело! — все упирается в обычных офицеров, для которых война — ремесло. Сталин чувствует себя превосходно. Впервые с начала войны «для него чувство жизни слилось с чувством силы» [3. С. 482]. А ведь в первые годы войны все складывалось иначе. Гроссман очень точно передает ощущение панического страха, которое охватило Сталина и не отпускало почти два года. В присутствии Молотова (единственного члена Президиума ЦК, который был с ним на «ты») он схватился за голову и забормотал «что делать, что делать?» Потом на заседании Государственного совета обороны у него сорвался голос, и он не смог говорить. Несколько раз он настолько терял контроль над собой, что отдавал совершенно абсурдные распоряжения. Жуков даже позволил себе грубить Сталину, и тот проглотил обиду... Страх поражения сливается у Сталина со страхом перед погубленными политическими противниками, перед уничтоженными простыми людьми: «Иногда ему хотелось уступить погубленным в тридцать седьмом году Рыкову, Каменеву, Бухарину ответственность, пусть руководят армией, страной.

У него иногда возникало ужасное чувство: «побеждали на полях сражений не только сегодняшние его враги. Ему представлялось, что следом за танками Гитлера в пыли, дыму шли все те, кого он, казалось, навек покарал, усмирил, успокоил. Они лезли из тундры, взрывали сомкнувшуюся над ними вечную мерзлоту, рвали колючую проволоку. Эшелоны, груженные воскресшими, шли из Колымы, из республики Коми. Деревенские бабы, дети выходили из земли со страшными, скорбными, изможденными лицами, шли, шли, искали его беззлыми, печальными глазами. Он, как никто, знал, что не только история судит побежденных» [3. С. 482].

Повествователь подчеркивает, что в этот момент решается судьба государства, созданного Сталиным, судьба больших и малых народов, населяющих страну, судьба захваченных Гитлером стран, судьба узников нацистских концентрационных лагерей и судьба узников Гулага, судьба русского народа, его искусства, литературы, философии.

Даже в этот момент писатель не раскрывает сталинской психологии. Он показывает его страх, но страх — это эмоция, боязнь опасности — проявление инстинкта. Инстинктом, эмоцией обладают и животные, а вот психические процессы, такие как рефлексия, анализ, синтез, доступны лишь человеку. Сталин таких психических процессов в художественном мире романа не удостоивается.

Сталинградское наступление описывается кратко, почти конспективно. В главе 10 — начало, в главе 11 Новиков после подавления артиллерии противника бросает свои танки в наступление, в главе 12 Новиков продолжает разгром врага, а Гитлер присваивает немецкому генералу Паулюсу звание фельдмаршала и заставляет сдавать Сталинград. В главе 13 соединяются три фронта — Юго-Западный, Донской и Сталинградский — и солдаты отмечают это объединение. В главе 14 Гетманов поздравляет Новикова и тут же посылает донос на него.

В главе 15 — и это вторая глава, где Сталин — центральный персонаж — генерал Василевский по особой связи докладывает Сталину о полном окружении сталинградской группировки немцев. Его помощник Поскрёбышев, через руки которого прошли все расстрельные списки, подписанные Сталиным, стоит рядом с вождем. Неожиданно, услышав эту новость, Сталин расслаблено и медленно произносит строфу из детского стихотворения: «— Ах, попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети, не расстанемся с тобой ни за что на свете» [3. С. 490].

Этот детский стишок приводит в ужас выдавшего вида Поскрёбышева: у него вдруг похолодели пальцы...

Победа в Сталинградской битве была важна и для всего народа, и для Сталина. Разгром фашизма для Гроссмана символизирует торжество свободы над рабством, и это доказывают судьбы героев романа, а также авторские размышления о свободе.

«Жизнь и судьба» В. Гроссмана с момента публикации в 1988 году вызывала истерически-болезненную реакцию со стороны неопочвенников и неославянофилов, продолжает вызывать и до сих пор. Один из них, живший в Нижнем Новгороде С.И. Сухих, приписал В. Гроссману три (даже не одну!) выдуманные собственные концепции. Но нас в связи с тематикой статьи интересует лишь одна. Итак, С.И. Сухих писал: «...для В. Гроссмана победа в Сталинграде — это окончательная победа Сталина над собственным народом, рабства над свободой, государства над человеком, национализма над интернационализмом, сталинизма над ленинизмом и идеалами Октябрьской революции. Победа в Сталинграде в контексте символики романа В. Гроссмана означает победу СУДЬБЫ (рабства) над ЖИЗНЬЮ (свободой). Сталинград потерял душу — душу свободы» [5. С. 339]. Никаких оснований для придумки такой «концепции» писатель, конечно, не давал. Для него фашизм был символом рабства, и победа над ним давала шанс подлинной свободе. Другое дело, что этот шанс был упущен, точнее, намеренно загублен, но гроссмановская концепция Сталинградской битвы тут ни при чем.

Гораздо точнее высказался на этот счет немецкий славист Клаус Штедке: «Победоносная народная война против гитлеровской армии одновременно означает победу диктатора Сталина и его террористической системы: «Сталинградское торжество определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался» [7. С. 22].

Сталин готовится к следующей войне, и поэтому исследования Виктора Штрума неожиданно оказываются для него очень важными. Сталин звонит Штруму, когда тот уже загнан в угол. Создателю новаторской научной теории предлагают покаяться в несуществующих ошибках, демагогически упрекают в «идеализме» и отходе от «национальных традиций в науке». На него натравливают коллег, его оставляют без лаборантов и ассистентов, о которых он просит. Штрум оказывается перед выбором: каяться, предать свое дело или гордо игнорировать все обвинения и, возможно, остаться без работы и без средств к существованию. Именно в этот момент в квартире Штрума раздается звонок от Сталина, который в очередной раз радикально изменяет судьбу ученого.

Гроссман, чуждый патетике и нагнетанию мнимой торжественности, сразу же переводит ситуацию в иронический план. После описания ликующего Штрума рассказывает о том, что звонки Сталина превратились уже в жанр городского фольклора. Московская интеллигенция запомнила его звонки Михаилу Булгакову, затем — Борису Пастернаку, которого он в конце разговора раскритиковал за то, что тот якобы недостаточно уверенно защищал «своего друга» Осипа Мандельштама. Всякий раз подобные звонки представляли собой основу для будущих легенд и анекдотов.

Еще один случай использования «черного юмора» — эпизод с журналистом Бубекиным, который случайно ответил на звонок из Кремля и на вопрос Сталина, кто же он, Бубекин, такой, рявкнул: «Знать надо», — и бросил трубку. Сталин перезвонил, представился, и Бубекину пришлось лечиться от пережитого нервного потрясения. Мы видим, как в романе В. Гроссмана, лишенном показного юмора и высокомерной иронии, лишь образ Сталина дается в ироническом окружении. Позже А. Синавский напишет: «Одно из проявлений иррациональной, художественной природы Сталина — его юмор. Правда, это по преимуществу черный юмор, но все же юмор. Этим юмором Сталин наслаждался, владея жизнью и смертью людей, которым он мог принести зло, а мог — добро. Сталин стоял как бы уже по ту сторону добра и зла. И, сознавая это, чаще всего прибегал к черному юмору, который заключался в колебаниях смысла, так что зло могло обернуться добром, а добро — злом» [4. С. 121].

Конечно, основой анекдотических историй становится оторванность Сталина от других людей, возвышение над ними. Изолированность Сталина от народа была уникальной с точки зрения традиций русской власти: «Великое государство выразило себя в нем, в его характере, в его повадках» [3. С. 573].

Осенью 1941 года немецкий исследователь М. Пазе писал: «Редкие появления Сталина перед общественностью — он показывается только по самым важным случаям — охраняются еще тщательнее, чем его личная жизнь. Когда он посещает

гробницу Ленина, то для прохода на Красную площадь выдаются специальные пропуска. Зрители стоят под строгой военной охраной. Демонстрации по официальным случаям проходят не ближе чем в 20 метрах от гробницы и люди маршируют между двойным строем войск. Сделать шаг из рядов, незаметно вытащить оружие или бросить бомбу на правительственную трибуну совершенно невозможно. Когда Сталин недавно во время похорон Менжинского прошел некоторое расстояние рядом с носилками от Колонного зала до Красной площади, то полиция очистила от посетителей ресторанный зал Гранд-отеля, мимо которого проходила колонна, а постояльцев предупредил, чтобы они не высовывались из окон» (цит. по: [6. С. 22]).

Смерть Сталина у Гроссмана звучит по-нищшеански: «Умер великий бог, идол двадцатого века...» [1. С. 270] «Бог умер», сказанное Ницше, по-новому отозвалось в советской России. Эта смерть ассоциируется со свободой, и Гроссман мгновенно проводит нить от этого события к новому проявлению свободы: «Сталин умер беспланово, без указаний директивных органов. Сталин умер без личного указания самого товарища Сталина. В этой свободе, своенравии смерти было нечто динамитное, противоречащее самой сокровенной сути государства» [1. С. 270].

Смерть Сталина вовсе не обозначила собой смерть сталинизма и победу свободы. Борьба Гроссмана со сталинизмом продолжалась более 10 лет после смерти Сталина, до последнего дня жизни выдающегося писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гроссман В.С.* Все течет // Гроссман В.С. Собрание сочинение в 4-х тт. Т. 4. — М.: Аграф; Вагриус, 1998.
- [2] *Гроссман В.С.* Добро вам! // Гроссман В.С. Собрание сочинение в 4-х тт. Т. 4. — М.: Аграф; Вагриус, 1998.
- [3] *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба // Гроссман В.С. Собрание сочинение в 4-х тт. Т. 2. — М.: Аграф, Вагриус, 1998.
- [4] *Синяевский А.* Сталин — герой и художник сталинской эпохи // Осмыслить культ Сталина / Сост. Х. Кобо. — М.: Прогресс, 1989.
- [5] *Сухих С.И.* Три вопроса В. Гроссмана (Роман «Жизнь и судьба») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 5 (1). Серия «Филология».
- [6] *Хмельницкий Д.* Нацистская пропаганда против СССР: Материалы и комментарии. 1941—1945. — М.: Центрполиграф, 2010.
- [7] *Штедтке К.* Жизнь и судьба: напоминание о романе Василия Гроссмана, посвященном XX столетию // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3.

LITERATURE

- [1] *Grossman V.S.* Vsjo techet // Grossman V.S. Sbranie sochinenie v 4-h tt. T. 4. — M.: Agraf; Vagrius, 1998.
- [2] *Grossman V.S.* Dobro vam! // Grossman V.S. Sbranie sochinenie v 4-h tt. T. 4. — M.: Agraf; Vagrius, 1998.
- [3] *Grossman V.S.* Zhizn' i sud'ba // Grossman V.S. Sbranie sochinenie v 4-h tt. T. 2. — M.: Agraf; Vagrius, 1998.
- [4] *Sinjavskij A.* Stalin — geroj i hudozhnik stalinskoj jepohi // Osmyslit' kul't Stalina / Sost. H. Kobo. — M.: Progress, 1989.

- [5] *Suhij S.I.* Tri voprosa V. Grossmana (Roman «Zhizn' i sud'ba») // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. — 2013. — № 5 (1). Serija «Filologija».
- [6] *Hmel'nickij D.* Nacistskaja propaganda protiv SSSR: Materialy i kommentarii. 1941—1945. — M.: Centrpoligraf, 2010.
- [7] *Shtedtke K.* Zhizn' i sud'ba: napominanie o romane Vasilija Grossmana, posvjashhenom XX stoletiju // Neprikosnovennyj zapas. — 2005. — № 2—3.

STALIN IN VASILII GROSSMAN'S PROSE

B.A. Lanin

Head of Didactics of Literature at FGNU ISMO RAO
Pogodinskaya, 8, Moscow, Russia, 101125

In his prose Vasilii Grossman offers a unique interpretation of Stalin's image. In the main Grossman's novel 'Life and Fate' Stalin's image has got no psychological depth. His is a function of totalitarian state, a living incarnation of state power. His behavior is a behavior of state, and it affects millions of people.

Key words: image of Stalin, Vasily Grossman, the cult of personality, the post-war prose, "Life and fate", "Peace to You!".